

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА,
ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

УДК 390

БАРАНИЧЕНКО Наталья Николаевна

ДОИСЛАМСКИЕ ВЕРОВАНИЯ И КУЛЬТЫ
В ИСТОРИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВАЙНАХОВ

Специальность 07.00.07 — Этнография

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва — 1985

С. Л. Дудареву на память от автора.
Вася —

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого.

Научный руководитель — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР и ЧИАССР В. Б. Виноградов.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор Л. А. Чибиров;
кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки ЧИАССР С. Ц. Умаров.

Ведущее учреждение — Институт этнографии АН СССР.

Защита состоится *«25» сентября* 1985 г. в _____ час. на заседании специализированного совета К.053.05.29 по археологии и этнографии исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Адрес: 119899, Москва, В-234, ГСП, МГУ, Исторический факультет, 5 этаж, аудитория 550.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. А. М. Горького (1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ).

Автореферат разослан *«17» октября* 1985 г.

Ученый секретарь специализированного совета
кандидат исторических наук, доцент

Л. Б. Заседателева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Территорию горной Чечено-Ингушетии, граничащей с Северной Осетией, Дагестаном и Грузией, издавна населяли вайнахские племена, предки нынешних чеченцев и ингушей. История их средневекового прошлого изучена недостаточно полно. Определенную роль в исторических системах общественных отношений вайнахов играли доисламские верования и культы, традиционно являющиеся областью изучения этнографической науки.

В средневековых религиозных представлениях населения края своеобразно отразились хозяйственно-культурный тип, отдельные элементы социально-экономических отношений, внешнеполитической обстановки, этнических связей. В свою очередь доисламские верования и культы оказывали влияние на многие стороны жизни вайнахов.

Актуальность исследования определяется дискуссионностью вопросов, касающихся средневековых верований и культов вайнахов, отсутствием монографического исследования, посвященного основным этапам их развития.

Следует отметить и то, что религия еще не отошла в прошлое, пережитки ее сохраняются у части наших современников. Идеинная борьба с религией предполагает как глубокую критику современных иллюзорных концепций, так и дальнейшее изучение происхождения и сущности домонотеистических верований у каждого народа в прошлом. Это тем более необходимо для данного края (Чечено-Ингушетия), где адепты мусульманства пытаются объявить ислам извечной религией вайнахов. Поэтому **практическая значимость** представленной работы видится в широком применении ее выводов в деле атеистического воспитания населения республики. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих и конкретных работ по средневековой истории и этнографии вайнахов, при подготовке спецкурсов в вузах республики, в школьной учебно-воспитательной практике и в лекционно-пропагандистской работе.

Целью настоящего исследования было рассмотрение эволюции доисламских верований и культов вайнахов в тесной связи с основными вехами исторического развития вайнахского этноса. А главными задачами являлись:

— выяснение социально-экономических условий, вызвавших к жизни вайнахский политеизм и обеспечивших его длительное существование и развитие;

— характеристика трех основных этапов христианизации вайнахов с учетом внешнеполитической обстановки и внутренних социальных процессов;

— определение степени христианизации горцев, причин образования религиозного синкретизма, а также показ его как новой системы, отразившей раннеклассовый уровень развития вайнахского общества.

Параллельно с изменениями в религиозных верованиях рассматривались генезис и эволюция культовых сооружений и роль служителей культа.

Научная новизна работы. В диссертационной работе впервые прослежено развитие доисламских верований и культов со времени зарождения политеизма (I тыс. до н. э.) и до конца XIX в., когда ислам повсеместно утвердился в горных районах Чечено-Ингушетии; охарактеризована роль служителей культа у вайнахов; представлены главные этапы и пути проникновения христианства в Чечено-Ингушетию, ставшего одним из факторов развития грузино-вайнахских и русско-вайнахских отношений; показаны основные черты синкретизма как новообразования, в котором переплелись и видоизменились черты местного язычества и христианства.

Апробация работы. Диссертация рассмотрена сектором этнографии Юго-Осетинского НИИ, кафедрой всеобщей истории и научно-историческим «Кавказоведческим семинаром» Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого, рекомендовавшими ее к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Основные положения диссертации докладывались на научных вузовских и региональных конференциях (1979—1984 гг.). По теме исследования опубликовано 19 работ (тезисы докладов, сообщения, статьи, буклеты).

Методологической основой диссертации послужили труды классиков марксизма-ленинизма, выявивших сущность религии как формы общественного сознания, искаженно отражающей реальный мир. Принципиальное значение для нашей темы имело указание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что у религии нет истории¹ (то есть нет самостоятельной истории, не зависимой от истории общества). Автор руководствовался также партийными документа-

ми, в которых сформулированы задачи атеистического воспитания населения.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. В приложении даны библиография, список общепринятых сокращений, иллюстрации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «**Введении**» обосновывается актуальность темы, определяются цель и задачи исследования, его методологическая база, практическая значимость, новизна.

В **первой главе** «Источники, историография» анализируются различные виды источников, поскольку работа построена на комплексном их использовании. Наиболее значимые — этнографические источники. Они представлены сведениями о доисламских верованиях и культах, которые исследователи лично наблюдали в горных районах Чечено-Ингушетии или получили от информаторов. В работе использовались данные вайнахского фольклора (мифы, эпические сказания), отразившие как древние языческие представления, так и процессы проникновения христианства и ислама. Археологические источники представлены предметами культа и христианизованными погребениями в каменных ящиках (X—XIV вв.) и деревянных гробах (из позднесредневековых склепов). Довольно значительную группу источников составляют архитектурные памятники: христианские храмы, святилища. Топонимические источники свидетельствуют об ареале распространения имен тех или иных божеств, культовых сооружений, ныне уже забытых и сохранных лишь в названиях местностей. При работе над темой использовались и данные письменных источников. В основном они дают ценный материал о проникновении к вайнахам монотеистических религий. Лингвистические источники позволяют понять смысл и происхождение слов, связанных с религиозными верованиями и предметами культа.

В диссертации приведены полевые (этнографические и археологические) материалы, полученные автором (или при его непосредственном участии) в ходе работ отрядов Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого и Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии в 1974—1984 гг. (начальник экспедиции В. Б. Виноградов).

Обзор литературы содержит выяснение концепций отдельных исследователей по данной теме. В историографии, посвященной доисламским верованиям и культам вайнахов, выделяются две группы: дореволюционная и советская. Для первой характерна прежде всего описательность. Многие из дореволюционных авторов, отмечая те или иные доисламские религиозные явления у че-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 3, с. 25.

ченцев и ингушей, как правило, не задавались вопросами их происхождения, социальной обусловленности и многого другого. Но при анализе работ указанных исследователей мы исходили не из того, что они не осветили, да и не могли осветить, а из того, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками¹.

В первой главе отмечены или довольно подробно рассмотрены результаты исследований И. Гюльденштедта, П. Палласа, Л. Штедера, С. Броневского, А. М. Шегрена, А. П. Берже, А. П. Ипполитова, Н. Дубровина, Ч. Ахриева, У. Лаудаева, А. Базоркина, П. И. Головинского, В. Ф. Миллера, Н. Харузина, Г. А. Вертепова, Б. Далгата, К. Ф. Гана, Ф. И. Горепекина.

Труды дореволюционных авторов заложили хорошую фактологическую основу для последующего изучения религии вайнахов. Учеными конца XVIII — начала XX в. были высказаны перспективные суждения, поставлен целый ряд проблем, нашедших свое дальнейшее развитие и решение в трудах советских этнографов и религиоведов.

После Великой Октябрьской социалистической революции, особенно с 20-х годов, начался процесс интенсивного изучения прошлого Чечено-Ингушетии. Большой вклад в исследование доисламских верований и культов внесли Е. Шиллинг, Л. П. Семенов, И. П. Шеблякин, А. Н. Генко, Е. И. Крупнов, А. И. Шамилев, В. Б. Виноградов, В. И. Марковин, В. П. Кобычев, С. Ц. Умаров, Г. Г. Гамбашидзе, М. Б. Мужухоев, З. А. Мадаева и др.

Усилиями советских специалистов был значительно расширен круг этнографических, археологических и иных источников, на научную основу была поставлена их датировка. В частности, возникновение политеистических верований было отнесено к I тысячелетию до н. э. (Е. И. Крупнов, В. Б. Виноградов).

От изучения отдельных культов исследователи перешли к более широким обобщениям, к рассмотрению тех или иных проблем на общекавказском фоне. Определялись время и пути проникновения к вайнахам монотеистических религий, выявлялись черты сходства местного язычества и христианства, облегчавшие процесс усвоения последнего. Был поставлен вопрос о синкретическом характере доисламских верований вайнахов, их социальной обусловленности. В дело изучения религиозных верований и культов включились историки, этнографы, археологи, архитекторы, лингвисты.

В итоге было разработано несколько периодизаций культовых сооружений (кавказоведа Л. П. Семенова, этнографа В. П. Кобычева, архитектора А. Ф. Гольдштейна, археолога М. Б. Мужухоева). Положения каждой из них (особенно последней) продолжают оставаться предметом обсуждений и дискуссий. Несколько точек зрения существует и на эволюцию религиозных верований в пери-

¹ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 2, с. 178.

од средневековья (язычество — «двоеверие» — «троеверие»; язычество — язычество и христианство — язычество — ислам; язычество — формальное господство христианства — ислам и др.). По-разному датируются и количественно измеряются этапы проникновения христианства в Чечено-Ингушетию (XII в., XVIII в.; XII—XIII вв., XVII в., XVIII—XIX вв.; до IX—X вв., X—XII вв., XVI — начало XX в. и др.), неоднозначно оценивается степень его воздействия на местные культы.

Преодоление имеющихся противоречивых точек зрения возможно только на основе комплексного использования источников, которыми в настоящее время оперируют представители разных дисциплин, последовательного (в хронологическом порядке) изучения эволюции религиозных верований, а не ограничения только «эпохой язычества» или «эпохой христианства», рассмотрения религиозных представлений и культов в тесной связи с социально-экономическим развитием вайнаховского общества при учете той внешнеполитической обстановки, в которой это развитие протекало¹. Указанный подход мы и пытались претворить в своей работе.

Вторая глава — «Политеизм у вайнахов и его социально-экономическая обусловленность».

Накануне христианизации у вайнахов сложилась довольно развитая религиозная система, ведущую роль в которой играл политеизм. Формирование языческого пантеона относится к I тысячелетию до н. э. и обусловлено глубокими изменениями в социально-экономической жизни далеких предков чеченцев и ингушей. Именно в переходный период от доклассового к раннеклассовому обществу у них начинается переход к политеизму. Известные на сегодняшний день антропоморфные изображения в сопоставлении с данными этнографии позволяют предположить, что в эпоху поздней бронзы — раннего железа зародились представления о женском божестве плодородия, богах войны, грома и молнии, солнца и неба, скотоводства и др. Становлению пантеона в этот период способствовало и возникновение более широких этнических общностей — союзов племен.

С процессом антропоморфизации божеств связано появление святилищ («жилищ» богов) и новой категории служителей культа — жрецов (специалистов «по общению» с богами).

В период средневековья политеистические представления достигли своего завершения. «Специализация» божеств во многом определялась основными хозяйственными занятиями горцев, иллюзорно восполняя их практическое бессилие в каждой из областей. В образах пантеона отразились как природные силы, оказывающие

¹ Виноградов В. Б. Назревшие задачи изучения религиозных верований на Центральном Кавказе. — X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. М., 1980, с. 66—68.

влияние на производство жизненных благ, так и общественные явления.

В исследовании процесса становления политеизма у вайнахов возникают определенные трудности. Они связаны и со столь длительным путем, который прошли образы божеств в своем развитии, и с тем, что представления о языческих патронах были полюблены и трансформированы впоследствии христианством.

Имеющиеся этнографические материалы позволяют восстановить «биографии» и функции семи божеств, хотя вполне возможно, что до проникновения христианства их было гораздо больше. Основными божествами у вайнахов являлись: Дэла (бог солнца и неба, отец иных богов), Села (бог грома и молнии, блюститель нравственности), Тушולי (первоначально женский дух возрождающей природы, растительности, затем богиня плодородия), Галь-Ерда (покровитель скотоводства), Елта (хозяин диких зверей и покровитель охотников), Эштр (бог загробного мира), Молдзы-Ерда (бог войны). В соответствующем параграфе диссертации дается их возможно более полная, мотивированная наличием источников характеристика.

Накануне христианизации вайнахами почитались главным образом антропоморфные, функциональные божества, так или иначе связанные с плодородием. Боги пантеона «заботились» об урожае, приплоде стад, деторождении, удачной охоте, военных успехах, то есть обо всем, от чего зависела жизнь горцев.

Таким образом, в ходе исторического развития была выработана религиозная система, достаточно хорошо приспособленная к уровню социально-экономического развития вайнахов, к определенному хозяйственно-культурному типу, связанному с пашенным террасным земледелием и отгонным скотоводством.

Культ божеств был в основном умиротворяющим с отдельными элементами более ранних религиозных форм. Празднества в честь общевайнаховских патронов были приурочены к началу или окончанию сельскохозяйственных работ, к важнейшим датам традиционного календаря. Языческие обряды сопровождались молениями и жертвоприношениями, а также песнями, танцами, гаданиями.

Руководящую роль в них играли жрецы, присваивавшие значительную часть приношений. Вайнаховские жрецы обладали достаточными знаниями, которые постепенно накапливались у данной нетрудовой прослойки. Они знали календарь, счет, систему мер, занимались врачебной практикой, гаданиями, предсказаниями. В среде жречества все это передавалось от поколения к поколению через учеников и помощников, а в ряде случаев и по наследству. Жреческие династии формировались из так называемых «лучших», «сильных» вайнаховских фамилий, стремившихся исполь-

зовать все средства для закабаления общинников. Однако оформления жречества в особое сословие так и не произошло.

В период средневековья вайнаховские жрецы, занимая довольно прочную и выгодную позицию, играли значительную роль в общественной жизни. Они выполняли функцию по религиозному поддержанию общественного единства, частично контролировали общественные фонды. У святилищ отправлялось правосудие, решались многие спорные дела.

Культовые сооружения края представлены двумя основными типами: столпообразными святилищами и святилищами-зданиями. Первый тип характерен также для горной Восточной Грузии, Осетии, Дагестана, что косвенно указывает на древность данных сооружений, то есть на появление их в дохристианский и домусульманский периоды. Этнографические материалы по Чечено-Ингушетии позволяют считать столпообразные святилища наиболее ранней формой культовых сооружений, первоначально связанных с политеизмом. Само название этих святилищ «сиелинг» указывает на причастность к богу грома и молнии Селе. Они и возводились там, где ударяла молния. В Чечне данные культовые сооружения использовались для общественных молений, во время которых в ниши святилищ ставились идолы божеств. В позднем средневековье значительная часть столпов была связана с культом предков. Однако это не дает оснований утверждать, что столпообразные сооружения изначально возникли как фамильные (М. Б. Мужухоев).

В период христианизации и исламизации столпообразные святилища Чечено-Ингушетии продолжали почитаться. Частично изменились их функции и архитектурный облик.

Проблематичным, но вероятным представляется нам возникновение в раннем средневековье святилищ-зданий (например, Галь-Ерда до перестройки), генетически восходящих к жилищам раннебашенного типа. Выявление святилищ-зданий дохристианской эпохи — важнейшая задача дальнейших исследований.

Третья глава — «Христианизация вайнахов в системе социально-политических отношений».

В период средневековья на религиозные верования вайнахов оказывают влияние монотеистические системы, в частности, христианство. Первый этап христианизации (IX—XIV вв.) раскрывается на основе письменных, этнографических, археологических, топонимических источников, в том числе полученных при археолого-реставрационных работах в храме Тхаба-Ерда, возведенного в VIII—IX вв. и перестроенного на рубеже X—XI вв., в конце XVI—XVII в. Первый этап развернулся в условиях складывания у вайнахов раннефеодальных отношений, более тесного знакомства с классовыми государствами Закавказья и Северного Кавка-

за. Основным распространителем нового вероучения выступили правящие круги феодальной Грузии (Картли, Кахети), стремившиеся с его помощью укрепить свое влияние над местными народами. Христианство этого времени стало одной из форм политического подчинения вайнахов (З. Ш. Дидебулидзе). Известную роль оно сыграло в распространении грузинской письменности и других культурных достижений средневековой Грузии.

Крупным центром христианства в Чечено-Ингушетии являлось Ассинское ущелье, где на небольшом расстоянии друг от друга были сооружены три христианских храма (Тхаба-Ерда, Алби-Ерда и Таргимский).

Согласно преданиям, местные феодализирующиеся верхи первоначально благосклонно отнеслись к проповеди новой религии, однако проявляли непоследовательность, которую можно рассматривать как признак их социально-экономической слабости. Возможно, что в их среде христианство функционировало на богословско-догматическом или близком к нему уровне. Об этом свидетельствуют находки древнегрузинских псалтирей, захоронений под стенами храмов, нательных крестов, купели и др.

У рядовых общинников христианство (сопряженное с принудительными мерами и укреплением новых социальных порядков) вызывало упорное сопротивление, в основе которого лежали и социальные, и религиозные причины. Однако и они частично оказались вовлечены в этот процесс.

Именно через христианский и христианизированный слои населения происходило складывание христианского самосознания вайнахов, внедрение в их общинную и семейную обрядность отдельных элементов монотеизма.

Христианизация вылилась в длительный процесс, так и не получивший своего завершения. Причина тому — недостаточная развитость местных социальных структур, слабость феодализирующейся горской верхушки, которая не могла самостоятельно внедрить и укрепить догматы христианства в среде рядовых общинников.

Христианизация поддерживалась и направлялась более всего внешним давлением Грузии (военные походы с целью «укрепления» христианства, миссионерство, сопряженное со строительством христианских храмов, распространением предметов культа и др.). Результаты этих акций наиболее заметны в периоды правлений Квирике II или Давида (X — начало XI в.), Квирике III Великого (первая треть XI в.), Тамар (конец XII — начало XIII в.), Георгия V Блистательного (первая половина XIV в.). Некоторую роль сыграло и влияние Алании, имевшей вблизи Дарьяла крупные городские центры. Отсюда становится понятно, почему судьба христианского вероучения в крае оказалась предрешена в пе-

риод нашествий монголо-татар и особенно Тимура (конец XIV в.), нанесших сильные удары по феодальной Грузии и разгромивших Аланское государственное образование. Замедление темпов классового образования горского общества в это время также влекло за собой активизацию языческих верований и культов. О том, что последние не были ликвидированы, свидетельствуют письменные источники и позднесредневековые верования, в которых языческий пласт был представлен достаточно полно.

Длительное отсутствие связей, в том числе и профессиональных, с Грузией привело к утрате канонического направления христианства в верхах вайнаховского общества и окончательному торжеству новой синкретической религиозной системы, в которой своеобразно переплелись и видоизменились черты христианства и язычества.

Второй этап христианизации вайнахов относится к концу XVI—XVII в. Этот период ознаменовался значительным усилением русско-грузинских, русско-вайнахских и грузино-вайнахских отношений. Последние имели ряд новых черт и особенностей. Грузия, находясь в состоянии феодальной раздробленности, оказалась в тяжелых внешнеполитических условиях, вызванных агрессией шахского Ирана и султанской Турции. Во второй половине XVI—XVII в. наиболее дальновидные правители Грузии (Леван, Теймураз и др.) ищут покровительства России, стремятся к беспрепятственному общению с ней через Северный Кавказ, пытаются найти себе здесь союзников, использовать их военные силы в борьбе против внешних врагов¹.

Устремления грузинских правителей оказались созвучны горным вайнахам, испытывавшим серьезные внутри- и внешнеполитические трудности. Ориентация части вайнахов на Грузию, вызванная вполне объективными обстоятельствами и интересами, получила по законам времени религиозную окраску. На позднесредневековых постройках края появляются кресты и кресты с голгофой, грузинские надписи, в склепах — захоронения в гробах и др.

Согласно письменным источникам, в 1638 г. Теймураз совершил большой поход в горы, в ходе которого, как он сообщал русскому царю, «многие крестились». В 1658 г. вместе с ним в Москву прибыли посланцы «Шибутского джамаата» (чеченцы-шатовцы), которые принесли присягу России не на коране, а в Успенском соборе Кремля. В грузинских источниках XVII в. признается христианская принадлежность части населения Аргунского ущелья.

В этот процесс христианского «ренессанса» как и прежде ока-

¹ Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI—XVIII вв. Тбилиси, 1974, с. 39.

залась вовлечена прежде всего верхушка вайнахского общества, получавшая щедрую плату от грузинских монархов за участие сил горцев в борьбе против внешних врагов. Из-за нашествий последних христианство в Грузии переживало трудные времена. Отсюда скудость каналов, по которым оно могло проникать на территорию Чечено-Ингушетии. Местные феодализирующиеся верхи, не получая «квалифицированной» помощи извне, зачастую только внешне (символически) демонстрировали свою приверженность христианской религии и феодальной Грузии.

Таким образом, христианизация вайнахов в конце XVI—XVII в. была незначительной и в основном сводилась к распространению отдельных атрибутов монотеизма. Одним из таких ярких символов стал крест с голгофой, украсивший башенные замковые комплексы феодализирующейся знати (Д. Ю. Чахкиев).

Влияние монотеизма не привело, да и не могло привести к конфессиональной «чистоте» местной религиозной системы, но способствовало утверждению христианского самосознания, о чем свидетельствуют этнографические и письменные источники.

В XVI—XVIII вв. в плоскостных районах Чечено-Ингушетии активно протекала исламизация, которая облегчалась здесь этнической пестротой и смешанностью населения, сравнительно высоким уровнем социально-экономического развития, целым рядом внешнеполитических факторов, включая сильное давление и миссионерскую деятельность исламизированных соседей.

К середине XVIII в. доисламские верования и культы сохраняются в высокогорной Чечне и горной Ингушетии. Население последней и в этот период еще не могло приступить к активной колонизации плоскости, контролируемой кабардинскими феодалами, и испытывало большие экономические трудности.

В таких условиях в середине XVIII в. в горных районах Ингушетии появились грузинские, а затем и русские священники из так называемой Осетинской духовной комиссии (с 1744 г.), в задачу которых входило распространение христианства и «склонение» осетин, ингушей и других горских народов к российскому подданству.

Народы Центрального Кавказа стремились с помощью России решить жизненно важные проблемы, поэтому заявили о своем желании креститься и вступить в российское подданство. Тем самым в горных районах Ингушетии и их ближайшей округе начался третий этап христианизации.

Однако деятельность миссионеров из Осетинской духовной комиссии не оказала большого влияния на местные верования и культы. Священникам было достаточно того, что население принимало обряд крещения, и только на этом основании многие из тех, кто не имел представления о христианских канонах, были

объявлены христианами. Редкие проповеди велись на непонятном большинству населения грузинском, а затем и русском языках, причем приспособительно к прежним верованиям. Не заметно воздействие этого этапа на культовую архитектуру.

Возможно, что лишь часть ингушской верхушки стала на позиции канонического христианства (Авраам Пахомиев, Феодор Гогиев, Харитон Мисос, Иоани Мальсагиков и др.). О социальном неравенстве в ингушском обществе XVIII в. свидетельствуют документы, относящиеся к деятельности Осетинской духовной комиссии. В них отмечены «знатные», «начальные» люди, «старшины», которым противопоставлены «подлые» и «прочие».

Примечательно и то, что обращение старшин в Осетинскую духовную комиссию с просьбой о крещении происходило от имени всего «кистинского» (ингушского) народа. Подобные формулировки позволяют говорить об объединительных тенденциях, проявившихся у ингушей в условиях завершающего этапа вхождения в состав России и сопутствующего ему массового освоения равнины, а также о складывании единого самосознания, то есть фактически о формировании ингушской народности. Эти тенденции (как и у чеченцев) оказались более перспективными в русле экзогенных религиозных концепций (в данном случае христианства).

Осетинская духовная комиссия действовала в Осетии и Ингушетии до 1792 г., когда в Моздоке было открыто епископство. Его влияние на окрестное население не было сколько-нибудь существенным. Вскоре происходит ослабление внимания России к кавказским делам. Когда же в начале XIX в. на указанной территории началось утверждение российских феодально-великодержавных порядков, результаты деятельности отдельных христианских миссионеров стали сходить на нет. Они рассматривались населением и на самом деле являлись проводниками политики царизма, поскольку призывали к покорности и смиренности по отношению к угнетателям. Уже в этих условиях христианские миссионеры встречали сопротивление со стороны горцев. В то же время ислам мюридистского толка становится идеологическим оружием в нарастающей освободительной борьбе, служит попыткам приостановления феодализации и антироссийским сепаратистским тенденциям¹. В XIX в. ислам утверждается и в горных районах края.

Культовые сооружения христианской эпохи (IX—XIV вв., конца XVI—XVII в.) представлены тремя сохранившимися христианскими храмами Ассинского ущелья. По своему плану и оформлению они относятся к грузинскому культурному кругу. Однако не-

¹ Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вместе — к великой цели. Грозный, 1983; Умаров С. Ц. О социальной природе кавказского мюридизма. — В кн.: Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

однократные перестройки придали им черты собственно горской архитектуры.

Топонимические и этнографические источники позволяют утверждать, что в прошлом количество христианских храмов грузинского происхождения было в Чечено-Ингушетии гораздо большим.

Кроме того, активное проникновение в горную зону края в период средневековья христианских догм привело к созданию церквей, построенных уже местными зодчими (Маги-Ерда, Тумгой-Ерда и др.). Эти памятники генетически связаны с христианскими грузинскими храмами IX—XI вв., и их датировка вряд ли должна выходить за рамки первого этапа христианизации. Считаем, что термин «Ерда» в связи с культовыми сооружениями употреблялся в значении христианский патрон, святой («святой Маго», «святой тумгойцев» и т. п.).

Для местных церквей характерна ориентировка В—З, входы в западных или южных стенах (последнее не противоречит христианской грузинской традиции), расположение вблизи селений, внушительные размеры, в ряде случаев престолы и др. Перечисленные детали позволяют предположить, что в период возникновения указанных памятников в обрядах, связанных с ними, преобладали христианские элементы, в последующем здесь стали отправлять культы, далекие от канонического христианства, но с некоторыми чертами его.

В конце XVI—XVII в., когда в крае наблюдается известное оживление христианства, ведется строительство новых культовых сооружений, в части из которых (например Дэлите) также ясно указываются черты христианской церкви.

Отмеченные культовые памятники Чечено-Ингушетии аналогичны средневековым церквям Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, выделенным в центральную группу памятников христианского зодчества Северного Кавказа¹.

Четвертая глава — «Основные черты религиозного синкретизма у вайнахов».

Неоднократное и протяженное во времени проникновение христианства на территорию края не прошло бесследно. Многие его элементы органически вплелись в верования и культы вайнахов, составив сложную систему религиозного синкретизма.

Значительные изменения претерпел вайнахский пантеон. Образ Дэлы, практически утративший первоначальную специализацию, превратился во всемогущего и всевидящего бога, который создал небо и землю, первых людей. По отношению к нему все остальные

божества стали выступать в роли святых-посредников, приближающихся по своим функциям к христианским святым.

В ряде преданий прослеживаются библейские сюжеты, из грузинского языка заимствуются религиозные термины, христианское влияние ощущается на погребальных и поминальных обрядах. В религиозные празднества вайнахов вошло употребление христианских символов и утвари (кресты, свечи, посуда и др.). Практиковалось снятие шапок перед святынями, коленопреклонение, пение молитв. Христианство оставило след и в такой сфере культовой практики, как пост. Изменился календарь религиозных праздников, которые стали отмечаться по воскресеньям, а также на Пасху, Троицу и т. п. В некоторых обрядах наблюдались черты таких «христианских таинств», как крещение, венчание, соборование.

Из христианского вероучения воспринимались и идеи, соответствующие интересам нарождающегося класса феодалов и в целом социальным изменениям вайнахского общества (представления об аде и рае, наказании за грехи и т. п.).

Все эти воззрения и элементы культа не просто переплетались с ранее существовавшими. В ходе взаимодействия двух религиозных систем возникали совершенно новые представления и действия, не характерные и не соответствовавшие ни «чистому» язычеству, ни «чистому» христианству. Это касается осмысления таких христианских символов, как кресты, свечи; библейских сюжетов, которые оказались переработанными народной фантазией и привязанными к местным географическим ориентирам; местных святых и др.

Религиозный синкретизм вызвал к жизни своеобразный институт полужрецов-полусвященников и особую группу культовых сооружений, сочетающих несовместимые с точки зрения требований язычества и христианства элементы. На архитектуру позднесредневековых культовых памятников оказали воздействие христианские храмы, а также башенное и склеповое зодчество. Отсутствие строгих канонов в культовом строительстве свидетельствует, с одной стороны, о переплетении в сознании строителей и заказчиков различных религиозных воззрений, а с другой — о разобщенности, раздробленности местных обществ в этот период.

Данные по вайнахскому синкретизму позволяют, согласившись в целом с одним из последних определений этого религиозного явления¹, внести в него и некоторые уточнения и, таким образом, понимать под религиозным синкретизмом объективный процесс взаимодействия двух (или более) религиозных систем, в ходе которого происходило образование новой достаточно целостной системы мировоззрения, мироощущения и культа со своей специ-

¹ Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 121—159.

¹ Капустин Н. С. Особенности эволюции религии. М., 1984, с. 12—13.

фической структурой. Такая трактовка, на наш взгляд, более содержательна, чем бытующие в литературе представления о «христианизированном язычестве», «бытовом варианте христианства» и т. п. Она тем более вынуждает не согласиться с попытками доказать языческую конфессиональную принадлежность позднесредневековых вайнахов (М. Б. Мужухоев).

Удельный вес новообразований (генетически связанных с христианством) по сравнению с языческими воззрениями, восходящими в основном к дополитенстической эпохе и не подвергшимся синкретизации, был у вайнахов гораздо меньшим, что, однако, не мешало самим горцам осознавать себя христианами. Наглядным подтверждением этому может служить культ Тамаж-Ерда, реконструируемый в работе.

Лишь приверженцы ортодоксальных концепций или ученые стремились и оказались в состоянии в позднесредневековой системе верований отделить, даже противопоставить друг другу элементы христианства и язычества, в то время как сами вайнахи той поры не делали между ними особых различий и считали себя единоверными, отмежевываясь лишь от исламских неофитов в своей среде.

Сходные синкретические воззрения открывали определенный простор для конфессиональных связей между горцами Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Восточной Грузии.

Синкретические верования вайнахов эпохи позднего средневековья отразили наблюдавшиеся в этот период этнические и социальные изменения. Они свидетельствовали об укреплении сельской общины и формировании довольно многочисленных этнических групп, так называемых обществ. Позднесредневековые культы позволяют говорить о наличии имущественной и социальной дифференциации у вайнахов, о неравенстве этнических и патронимических групп, возвышении и обожествлении отдельных личностей.

Синкретическая религиозная система, порожденная местным весьма ограниченным уровнем раннеклассового развития, в свою очередь играла в жизни вайнахов стагнационную роль, тормозила их социально-экономическое и духовное развитие.

Под знаком синкретизма в горах края происходила не только христианизация, но и исламизация. Это служит еще одним подтверждением тому, что канонические представления и культы достаточно свободно (хотя и не беспрепятственно) развиваются лишь там, где есть развитые классовые отношения, сильная государственная власть¹.

¹ Умаров С. Ц. О некоторых особенностях этнизации отдельных христианских культов в Чечено-Ингушетии. — В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 125—126.

В «Заключении» даются выводы по теме.

До проникновения христианства ведущую роль в религиозной системе вайнахов играл политеизм, начальные стадии которого относятся к I тыс. до н. э. Изменения в верованиях и культах этого периода были вызваны переменами в социально-экономическом развитии протовайнаховского общества. К эпохе поздней бронзы — раннего железа относится возникновение святилищ и новой категории служителей культа — жрецов.

В период средневековья поклонением у вайнахов пользовались в основном антропоморфные, функциональные божества (Дэла, Села, Тушоли, Галь-Ерда, Елта, Эштр, Молдзы-Ерда), связанные с плодородием. Их «специализация» во многом определялась выработанным в горах хозяйственно-культурным типом. В образах пантеона отразились и общественные явления.

Политеистическая религиозная система была достаточно хорошо приспособлена к социально-экономическому уровню развития горцев края, по-своему отвечала его нуждам.

Религиозными церемониями у вайнахов руководили жрецы. Посредники между божествами и людьми частично монополизировали общественно полезные знания и опыт, контролировали общественные фонды, выполняли функцию по ритуально-религиозному поддержанию общественного единства.

Культ божеств был в основном умиротворяющим и отправлялся у святилищ-зданий или у святилищ-столпов. Последние начинают и замыкают эволюцию культовых сооружений в крае.

В период средневековья происходит христианизация вайнахов. На первом этапе (IX—XIV вв.) христианство выступило одной из форм политического подчинения горцев феодальной Грузии. Развитие раннефеодальных отношений у вайнахов послужило внутренней социально-экономической базой для распространения христианской идеологии. Однако недостаточная развитость местных социальных структур, ход внешнеполитических событий (особенно XIII—XIV вв.) привели к незавершенности процесса христианизации.

На втором этапе (конец XVI—XVII в.) христианизация являлась одним из факторов грузино-вайнаховских отношений. Она была поверхностной, отличалась «символизмом», отсутствием канонического направления.

Третий этап христианизации населения западных районов края со стороны Осетинской духовной комиссии (вторая половина XVIII в.) тесно связан с процессом добровольного вхождения ингушей в состав России. Являясь одной из граней общеполитического процесса, он не оказал существенного влияния на местные верования.

В периоды активного проникновения христианства на терри-

тории Чечено-Ингушетии происходило сооружение храмов (грузинского происхождения) и церквей, построенных местными зодчими.

На основе взаимодействия язычества и христианства сформировалась новая религиозная синкретическая система, характеризующаяся своеобразным мировоззрением и культом и сопровождающаяся христианским самосознанием верующих.

Религиозный синкретизм отражал этнические и социальные изменения, происходившие в позднем средневековье, и в то же время оказывал определенное влияние на взаимоотношения с другими народами, на внутреннее социально-экономическое развитие вайнахского общества.

Основные положения диссертации изложены в работах:

1. К хронологии некоторых типов святилищ Чечено-Ингушетии. — В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 67—74.
2. Заметки о культовом зодчестве вайнахов. — В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 105—112.
3. Разведки в горной Чечено-Ингушетии. — Археологические открытия за 1978 год. М.: Наука, 1979, с. 113.
4. Новое о культовых памятниках горной Чечено-Ингушетии. — IX Крупновские чтения: Тезисы докладов. Элиста, 1979, с. 49—50 (в соавт. с Х. М. Мамаевым).
5. Роль жречества у средневековых вайнахов (к постановке проблемы). — В кн.: Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979, с. 132—145 (в соавт. с В. Б. Виноградовым).
6. Раскопки в ущелье р. Армхи. — Археологические открытия за 1979 год. М.: Наука, 1980, с. 95—96.
7. Религиозные верования и обряды как показатель социальной дифференциации средневекового вайнахского общества. — Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1980, с. 85—86.
8. Синкретические культовые сооружения Ингушетии. — X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. М., 1980, с. 75—76.
9. Об одном аспекте грузинско-вайнахских взаимоотношений в XVI—XVII вв. — Известия АН Грузинской ССР, «Мацне». Тбилиси, 1980, № 3, с. 72—83 (в соавт. с В. Б. Виноградовым).

10. Библиография основных отечественных работ по религиозным воззрениям вайнахов в дореволюционном прошлом. Грозный, 1981. — 29 с. (в соавт. с В. Б. Виноградовым и Д. Д. Межидовым).

11. Изучение древней религии вайнахов в современной литературе (1976—1981 гг.). — Археология и краеведение — вузу и школе: Тезисы докладов. Грозный, 1981, с. 44—46.

12. Паметский могильник в горной Ингушетии. — В кн.: Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983, с. 9—19.

13. Современные проблемы освещения деятельности Осетинской духовной комиссии среди вайнахов: Тезисы докладов профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 год. Грозный, 1983, с. 67—68.

14. Легенды о Маго как источник по этнокультурным связям горной Ингушетии. — В кн.: Историческая этнография: традиции и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, с. 91—96 (в соавт. с В. Б. Виноградовым).

15. Материалы по домусульманским верованиям вайнахов в атеистическом воспитании населения. — Вклад молодых ученых и специалистов в развитие общественных наук: Тезисы докладов. Грозный, 1984, с. 18—21.

16. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI—XVIII вв. — В кн.: Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984, с. 116—139 (в соавт. с В. Б. Виноградовым).

17. Проникновение христианства в Чечено-Ингушетию (буклет). Грозный, 1984. — 14 с. (в соавт. с Д. Ю. Чахкиевым).

18. Проникновение ислама в Чечено-Ингушетию (буклет). Грозный, 1984. — 14 с. (в соавт. с Д. Ю. Чахкиевым).

19. Использование средневековых архитектурных памятников горной Чечено-Ингушетии в атеистическом воспитании. — Археология и краеведение — вузу и школе: Тезисы докладов и сообщений Второй региональной научно-практической конференции. Грозный, 1985, с. 56—57 (в соавт. с Р. А. Даутовой).